

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/15617793/511/4

Богородичная семантика имени Мария в русской антинигилистической литературе

Андрей Алексеевич Петров¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, sinavitrivor@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сюжетообразующий потенциал имени Мария в русской антинигилистической литературе. На примере романов В.И. Аскоченского «Асмодей нашего времени», А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», Ф.М. Достоевского «Бесы», дилогии В.П. Авенариуса «Бродящие силы» показано, как употребление этого антропонима может вводить в произведение богородичный сюжет, в том числе и представленный «в негативе»: таким образом полемика с нигилизмом в творчестве этих писателей переходит в религиозно-философскую плоскость.

Ключевые слова: Богородица, Мария, антропонимика, русская литература XIX в., антинигилистический роман, В.И. Аскоченский, А.Ф. Писемский, В.П. Авенариус, Ф.М. Достоевский

Для цитирования: Петров А.А. Богородичная семантика имени Мария в русской антинигилистической литературе // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 46–53. doi: 10.17223/15617793/511/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/4

The Mother of God semantics of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature

Andrey A. Petrov¹

¹ St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, sinavitrivor@mail.ru

Abstract. The article examines the plot-forming potential of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature. Using the example of the novels *Asmodeus of Our Time* (1858) by V.I. Askochensky, *The Turbulent Sea* (1863) by A.F. Pisemsky, *Demons* (1872) by F.M. Dostoevsky, the diology *Wandering Forces (Modern Idyll)* (1865) and *Pestilence* (1867) by V.P. Avenarius, it is shown how the use of this anthroponym can introduce the Virgin Mary plot into a work, including one presented "in the negative". The study demonstrates how the scheme, which initially appeared in Askochensky's novel as a mirror image of the biblical plot of Mary's birth of the Child (the heroine of the work, Marie, gives birth to a stillborn child from a "demon" who seduced her – the atheist Pustovtsev) is transformed in subsequent texts of anti-nihilistic literature, the canon of which is largely set by Askochensky – the works of Avenarius and Pisemsky. The Virgin Mary motifs in Dostoevsky's novel, which were the only ones noticed by previous researchers, become, from this point of view, a continuation of the line that was set by earlier examples of anti-nihilism. The Virgin Mary plot turns out to be connected with the most important question of the 1860s–1870s about the institution of the family, emancipation, and the role of women in society: by showing a woman-mother through the image of the Virgin Mary, the authors of anti-nihilistic works bring this social theme to the level of religious and philosophical issues. Anti-nihilist writers built their ideas on the foundations of Christianity, sought to oppose atheism – faith, emptiness (nihil) and sterility — with a positive principle, which for them, as Orthodox Christians, was unthinkable outside of Christ. The idea of redemption and rebirth is inextricably linked with the Virgin Mary (from her pictorial depiction to the plot of the birth of a child), which, in essence, rather relates to the Resurrection of Christ: the Gospel plot is not reproduced literally, but is compressed, perceived as a single whole. Considering only a few anti-nihilistic novels of the 19th century through the prism of the Virgin Mary plot already makes it possible to see the vector of the evolution of this discourse in literature: direct and "negative" likenesses to the Virgin Mary are replaced by their mixture, which allows not only affirming the ideal and condemning vice, but also showing sin and rebirth, outlining the path of healing from the nihilistic infection.

Keywords: Mother of God, Maria, anthroponymy, Russian literature of 19th century, anti-nihilistic novel, V.I. Askochensky, A.F. Pisemsky, V.P. Avenarius, F.M. Dostoevsky

For citation: Petrov, A.A. (2025) The Mother of God semantics of the name "Maria" in Russian anti-nihilistic literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 46–53. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/4

Общепризнано, что антинигилистическая литература второй половины XIX в. стремится к взгляду на современность с позиции христианских ценностей.

По формулировке Н.Н. Старыгиной, антинигилистические романы «продолжают христианскую (национальную) духовную традицию как общезначимую и

непреходящую в народной жизни и выражают основополагающий для народа христианский идеологический и нравственно-эмоциональный комплекс» [1. С. 351]. Нигилизм в такой оптике предстает прежде всего как антихристианство, антиправославие, причем это противопоставление часто содержит в себе мотив зеркальности: ложные ценности оппонентов показаны как зеркальные отражения истинных, одновременно идентичные и противоположные им. Основание для такой трактовки дают сами «новые люди», часто – выходцы из духовной среды, выстраивающие свою идеологию и модели поведения по образцам, заданным христианской религией, но наполняющие эти формы принципиально иным содержанием. Так, И. Паперно в классической монографии «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» описывает «глубокий идеализм истового материалиста, христианский аскетизм, жертвенное рвение этого “разумного эгоиста”, православные чувствования этого законченного атеиста» [2. С. 33] и т.д., т.е. все то, что позволит, например, Н.А. Некрасову в одноименном стихотворении (1874) выставить автора «Что делать?» пророком. Антинигилистическая литература откликается на это явление, показывая библейские образы «в негативе»: так, вместо пророков в романах появляются образы лжепророков (Губарев в «Дыме» И.С. Тургенева (1867), Полояров в «Панурговом стаде» В.В. Крестовского (1869) [3. С. 213–214], Петр Верховенский в «Бесах» Ф.М. Достоевского (1872) [4. С. 178]). Подобным образом некоторые из писателей-антинигилистов работают и с одним из главных сюжетов Евангелия – богородичным. Причины обращения авторов к образу Девы Марии не столь очевидны и требуют особого комментария.

По весьма категоричной формулировке И.П. Смирнова, антинигилизму «не может быть известна никакая иная ценность, кроме одной – продолжаемости родовой жизни» [5. С. 115]. Действительно, один из центральных сюжетов большинства антинигилистических романов – разрушение семьи, гибель героя, отпавшего от рода (например, героини, оказавшиеся в коммуне, – такие, как Лиза Бахарева в романе Н.С. Лескова «Некуда» (1864) или Нюта Лубянская в «Панурговом стаде» Крестовского). Особую роль здесь играет мотив материнства: беременность для соблазненной нигилистом женщины неизбежно оборачивается трагедией (например, в «Маре» В.П. Ключникова (1864) Юлия теряет ребенка от Бронского, у Нюты Лубянской отбирают сына от Полоярова, в результате чего героиня умирает, Чекмарев в «Поветрии» В.П. Авенариуса (1867) отказывается от ребенка, которым забеременела Наденька Липецкая, считая его собственностью государства, и т.д.). Учитель Устинов, один из главных резонеров «Панургова стада», обвиняет авторов романов о «новых людях» в том, что те в своих утопических проектах совершенно не учитывают деторождение: «Как поглядишь, какие все это ярые эмансипаторы, все эти господа Полояровы! Через два слова в третье Джон-Стюарт Милль на языке, угнетение женщины, свобода и равноправие отношений, свобода чувства,

безобразие брака – и какие ведь все хорошие слова, подумаешь! Даже повести и романы специально на этот предмет сочиняют. Но странное дело! Замечали ль вы, что во всех этих повестях они тщательно избегают детей? Так избегают, чтобы в голове читателя даже и намек на вопрос о детях не возникло бы! Я не помню, чтобы которая из их героинь имела ребенка» [6. С. 331]. Вопросы брака, свободной любви, женской эмансипации – одни из важнейших в полемическом дискурсе 1860–1870-х гг., и именно судьба детей часто является главным аргументом сторонников традиционной семьи.

Думается, однако, что сюжет несостоявшегося материнства часто необходимо рассматривать не только в конкретно-социальном, но и в символическом аспектах: сам по себе нигилизм (от лат. nihil – «ничто») уже содержит в себе сему бесплодности; его идеи понимались как пустые, способные разрушить – но не породить новое, путь нигилистов показывался как бесцельный («Некуда» – название первого антинигилистического романа Лескова), их деятельность – как бессмысленная и безрезультатная (как резюмирует свой роман «Взбаламученное море» А.Ф. Писемский, «это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извне, а отчасти появившиеся от поднявшейся снизу разной дряни» [7. С. 288])¹. В религиозной парадигме рождение детей у людей, отрицающих Христа, противопоставляется рождению самого Христа, причем богородичный сюжет предстает «в негативе»: место непорочного зачатия занимает греховное, место Благой вести – ощущение трагизма ситуации, наконец, место рождения, Рождества – смерть.

На то, что в антинигилистической прозе возникают образы-символы, напоминающие Богоматерь, указывает Старыгина в монографии «Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов». Исследовательница усматривает черты Девы Марии в светлом образе матери Бориса Райского и его умершей возлюбленной Наташи («Обрыв»), а также во Флоре, покойной жене генерала Синтянина («На ножках» Лескова (1870)) [1. С. 262–268]. Представляется, что этот перечень далеко не исчерпан, особенно если обратить внимание не только на идеальных героинь, но и на те образы, в которых богородичный сюжет воплотился «в негативе». Мотивы, связанные с Богородицей, могут быть весьма многообразны; в настоящем исследовании мы остановимся на наиболее очевидных из них – на совмещении мотива деторождения и имени Мария. Следует оговориться, что мы вовсе не утверждаем, что само использование этого имени автоматически влечет за собой уподобление героини Богоматери, однако именно такова первичная ассоциация, возникающая в христианской культуре в связи с этим антропонимом. Сюжетообразующий потенциал имени был продемонстрирован А.Б. Пеньковским в книге «Нина: культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении»: на материале «Маскарада» М.Ю. Лермонтова, «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и поэмы «Бал» Е.А. Баратынского ученый реконструирует «миф о Нине», образ и сюжет, реализующийся в тексте, в котором возникает этот антропоним [8].

Имя Мария изначально несет в себе максимальную смысловую нагрузку и при сочетании с иными мотивами часто запускает в произведении тот сюжет, с которым сопряжена его главная сема – сема Богоматери.

Первое антинигилистическое произведение, в котором богородичный образ возникает «в негативе», – роман В.И. Асоченского «Асочей нашего времени», опубликованный в 1858 г., но, как признался сам автор в его позднейшем переиздании с продолжением, озаглавленном «Панорама, или Очерки из современной жизни», составленный из черновиков еще второй половины 1840-х гг. [9. С. 1]. Именно это произведение, часто называемое предтечей антинигилистического романа, как формулирует Е.Л. Куранда, стало «основой антинигилистической тенденции в русской общественной мысли» [10. С. 136]. В одноименной статье (1862) леворадикальный критик М.А. Антонович сопоставляет этот текст с романом И.С. Тургенева «Отцы и дети», появившимся несколькими годами позже и чаще всего признаваемым родоначальником антинигилистической литературы [11. С. 308], показывая, что многие черты образа Базарова уже были воплощены в Пустовцеве из романа Асоченского. Это сопоставление, конечно, носит отчетливо полемический, провокационный характер: издатель журнала «Домашняя беседа» приобрел репутацию крайнего ретрограда и «обскуранта», уподобление ему Тургенева – в первую очередь риторический прием («Говорим совершенно искренно и серьезно и просим читателей не принимать наши слова в смысле того часто употребляемого приема, посредством которого многие, желая унижить какое-нибудь направление или мысль, уподобляют их направлению и мыслям г. Асоченского» [12. С. 196]). Однако основания для такого уподобления у Антоновича были: героев действительно роднит и ряд общих черт (атеизм, материализм, отрицание брака и проч. непереносимые особенности литературных нигилистов), и негативное авторское отношение (особенно если принять во внимание задумку Тургенева, желавшего после конфликта в «Современнике» очертить истинное лицо «новых людей» [13]). Роман Асоченского не только задал парадигму изображения нигилиста на десятилетия вперед, но и сразу же ввел в систему антинигилистического романа богородичный сюжет.

Главная героиня романа – Marie – институтка, приехавшая в провинциальный город к своей матери и попавшая в чуждую для себя непросвещенную среду. При первом появлении в романе девушка, кажется, воплощает христианский женский идеал: она скромна, приветлива, смиренно сносит несправедливые попреки матери Соломонины Егоровны. Героиня оказывается предметом интереса двух мужчин – протагониста Софьяна и «Асочей» Пустовцева. Основа характеристики последнего заключена уже в его «говорящей» фамилии: пустота, отсутствие всякого положительного начала, всеобщее отрицание («...от великой тайны мироздания до последних явлений силы Божией, бывающих и в наше скудное верою время, он все подвергал критическому обзору, требуя одного лишь знания и

знания; что же превышало ум его, что не укладывалось в узенькие клеточки человеческой логики, он все отвергал, как пустяки, как сущий вздор» [14. С. 250]). Образ Пустовцева уже на уровне названия инфернален, что не раз подчеркивается в тексте, в частности, через мотив богоборчества: так, в финале герой, уже прямо названный «демоном-соблазнителем» [14. С. 350], разбивает икону Богоматери (NB!), учуяв ее по запаху: «Мне прислали из Киева кипарисную икону Богоматери с святыми угодниками; я оставила ее в кабинете Валериана. Приходит он с должности; я встретила его, и мы пошли вместе в его половину. “Чем это пахнет?” – спросил он. Я указала на икону... Ах, маменька!.. с каким нечеловеческим остервенением бросился он к столу!..» [14. С. 341]. Именно Пустовцев овладевает сначала душой, а потом и телом Marie: он лишает ее нравственной чистоты и невинности, заставляя перенять собственную циничную насмешливость, а затем совращает в лесу, что воспринимается в романном мире как катастрофа и, по сути, гибель. Соблазненная девушка рождает мертвого ребенка и умирает, после чего в порыве ненависти ко всему мирозданию кончает с собой и сам Пустовцев [15].

Игра Асоченского, выпускника и преподавателя Киевской духовной академии, с библейскими антропонимами не ограничивается Марией (сама французская форма Marie как бы намекает на зеркальное травестирование евангельского сюжета). Имя матери героини – Соломонида (или Саломея) – восходит к библейским апокрифам: так звали повивальную бабку, присутствовавшую при рождении Иисуса и засвидетельствовавшую чудо непорочного зачатия. В романе этот сюжет оборачивается противоположностью: вместо непорочного зачатия – в высшей степени греховное, вместо присутствия при родах – разлука с дочерью, вместо Святого Духа – демон-соблазнитель Асочей, вместо рождения Христа – смерть безымянного младенца, а потом – его матери и отца. Тема бесплодности атеистического материализма, обреченности людей, отошедших от Бога, на гибель, получит в творчестве писателя дальнейшее развитие: так, например, в стихотворении «Экспромт» (1862) Асоченский предвещает неминуемое вымирание «богоборному народу» нигилистов [16], а в пьесе «Марфа Посадница, или Падение Новгорода» показывает гибель целого города, забывшего о Господе [17].

На звание первого антинигилистического романа, помимо «Асочей» Асоченского и «Отцов и детей» Тургенева, претендует также «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского (1863) [18. С. 35]. В центре романа – образ Александра Бакланова, человека 1840-х гг., одинаково непостоянного и в любви, и в идеологии, переходящего от консерватизма к нигилизму и легко во всех этих идеях разочаровывающегося. Вокруг героя показана целая галерея «новых людей» – разные типы нигилистов от наивных, трагически заблуждающихся Елены Базелейн, Валерьяна Собакеева, «книжного» человека Проскрипского, списанного с Чернышевского [19. С. 136], до негодяев Басардина и братьев Галкиных.

Мотивы, связанные с Богородицей, играют в романе важную роль. Так, Мадонны Рафаэля становятся одним из предметов спора между Баклановым и Проскриптским: если второй смеется над изящным искусством, то первый воспринимает полотно как ценность – но, скорее, только эстетическую, наряду с Венерой Милосской и балетом («В балете есть грация, которая живет в рафаэлевских Мадоннах, в Венере Милосской» [7. С. 74]). Этот мотив получает свое развитие в финальной части романа, когда Бакланов и Софи в заграничном путешествии вживую видят Сикстинскую Мадонну. Картина производит сильное впечатление на обоих героев, главным образом – на Софи, которую поражает в первую очередь Христос, предстающий не столько Богом, сколько Младенцем на руках у Матери. Зрелище заставляет Софи, не познавшую радости материнства, испытать неловкость за собственную жизнь («Ей почему-то в эти минуты вдруг припомнилась вся ее жизнь, и ей сделалось как-то неловко» [7. С. 240]). В романе Софи, любовница Бакланова, противопоставляется Евпраксии, идеальной жене и матери («Страна, где есть такие жены и матери, как вы, не погибла еще!» [7. С. 287] – обращается к ней один из персонажей). Идеал Мадонны предстает не только как эстетический, но и как этический, сравнение с ним позволяет ввести в зыбкий, лишенный ясных очертаний добра и зла (взбаламученное море) мир произведения несомненную нравственную основу, исходя из которой, можно говорить об истинном и ложном предназначении женщины. Важнее оказывается, однако, даже не раскаяние Софи, не показанное как деятельное, а то, как переосмысливает взгляды на жизнь самый главный герой романа, Бакланов, в результате оценивший по достоинству качества своей жены и постаравшийся вернуться в семью («Все женщины, жизнь которых была не безукоризненна и которыми он так еще недавно восхищался, стали ему казаться омерзительны, но зато, о Боже мой, в каком светозарном ореоле представилась ему его чистая и непорочная жена! Без мучительной тоски и тайного стыда он не в состоянии был видеть маленьких детей, воображая, что и он тоже отец!..» [7. С. 264]).

Богородичный сюжет работает в романе и на уровне антропонимов. Сразу несколько героинь произведения носят имя Мария. Так, один из эпизодических персонажей – дочь священника Маша, «молоденькая, прехорошенькая собою девушка, преумненная, но в то же время пресмешная», «наивная» [7. С. 63], «добрая» [7. С. 196], т.е. воплощение нравственной чистоты и непорочности. В пятой части романа она появляется уже как жена Венявина, бывшего соученика Бакланова. Жизнь Маши в браке – предельное, идиллическое воплощение идеи супружества и материнства: «Они сочетались и до сих пор столько же раз и с такою же нежностью каждодневно целовались, как и в первый день своего брака. Детей у них было человек десять» [7. С. 196]. Портретные характеристики героини ограничиваются указанием на ее полноту и «совершенно ангельское лицо» [7. С. 196]: святость в романе связана не с аскетизмом, не с отказом от «живой жизни» (как у «кабинетного» мыслителя Проскриптского), а с плодородием, радостью, изобилием.

Напротив, чиновные нигилисты, «человеколюбивые эмансипаторы» в устах мужа героини Венявина сравниваются с Иродом, готовым за жалование «младенцев резать» [7. С. 197]: богородичный сюжет вводит в роман оппозицию Марии и Ирода, деторождения и убийства младенцев. Конкретным воплощением враждебной силы становится Иродиада, виновная в ряде преступлений, в том числе и в «нигилистических» петербургских пожарах². Если Маша, как неоднократно подчеркивается, полна, то преступница предстает «худой, бледной» [7. С. 181], ее имя, помимо прямой связи с виновницей гибели Иоанна Крестителя, содержит явный намек и на самого Ирода Великого.

Как и для Асоченского, для Писемского богородичный сюжет связан с проблемой деторождения. Однако если для автора «Асоченского» ребенок – прежде всего метафора, призванная продемонстрировать бесплодие нигилизма, то в куда менее метафорически-условном и более реалистическом художественном мире Писемского дети сами по себе оказываются важнейшей ценностью, определяющей облик идеальных героев. Проблема отношения к детям получит продолжение в его романе «В водовороте» (1870): зараженная нигилизмом Елена Жиглинская хочет отдать своего ребенка в общину, отказывается его крестить, не желает, чтобы он был русским, и т.д.; ей противопоставлена княгиня Елизавета, идеальная жена, в финале рожающая сына.

Два пути введения богородичного сюжета в антинигилистический дискурс соединяются в диалогии В.П. Авенариуса «Бродящие силы». В повести «Современная идиллия» (1865) описывается (в числе прочих) история взаимоотношений Льва Ильича Ластова, кандидата естественных наук, и юной швейцарки – горничной Мари. Увлеченный прогрессивными идеями натуралист соблазняет девушку, видя в ней, подобно Базарову, только телесную красоту («Разве женщина может пленить чем другим? Главное в ней – прелесть обхождения и телесная красота. Если бы мы влюблялись только в ум, то, конечно, не пленялись бы женщинами, а мужчинами» [21. С. 529]). В финале повести Ластов оставляет полюбившую его швейцарку и уезжает, однако во второй части диалогии – повести «Поветрие» – Мари оказывается уже в Петербурге, где вновь сходит с героем, рожаает от него ребенка и умирает.

Такая фабула внешне напоминает сюжет романа Асоченского, однако Ластов лишен inferнального начала, которое было присуще Пустовцеву, он, подобно героям Писемского, примыкает к «бродящим силам» эпохи; запутавшийся в любви и идеологии, он не в силах найти для себя прочного основания. Рождение ребенка, оставшегося в живых, оборачивается духовным возрождением и для него, и для другой центральной героини повести – Наденьки Липецкой. Девушка входит в круг студентов-нигилистов и вступает в «натуральный брак» с Чекмаревым, который после новости о беременности бросает ее якобы из идейных соображений.

Отвергнутая любовником и изгнанная родителями, она предпринимает попытку утопиться, однако оста-

ется в живых, а позже заменяет сыну Мари мать и обретает счастье в союзе с Ластовым. Сравнивая двух женщин, герой объясняет, почему именно Мари, любовь которой он изначально отверг, является для него идеалом женщины: «...если провести параллель между нею и хоть бы вами, вы всем почти окажетесь сильнее ее: и умом, и образованием, и телесною красотою. <...> По видимому, все преимущества на вашей стороне. К тому же, как вам известно, во время приезда Мари я был уже заинтересован вами; и между тем она все-таки вытеснила вас из моего сердца! Чем же она преуспела перед вами? Одним лишь – своей безгранично любящей, истинно женской, женственной натурой. Этого великого качества достаточно в женщине, чтобы на жизнь и смерть привязать к ней мужчину» [22. С. 680]. Это признание ставит точку в споре о женской эмансипации, одном из главных в диалогии: выше оказывается не просвещенная, образованная, прогрессивная Наденька, пришедшая к личному краху, а наивная, женственная, любящая Мари. Однако ее ребенок выступает как спасение не для своей чистой матери, не нуждающейся в том, а для иных – заблуждавшихся, грешивших – персонажей, чьи ошибки он искупает своим рождением. Мари, таким образом, совмещает в себе черты и Богородицы, и – если учесть сюжет соблазнения – ее зеркальной противоположности. При этом само рождение ребенка приобретает, как и в «Асмодее», символическую трактовку – однако произведение Авенариуса являет собой уже следующий шаг в развитии антинигилистической прозы, не просто предупреждает нигилистов о неизбежной гибели, а показывает путь к исцелению и возрождению.

Наиболее полно богородичный сюжет раскрывается в творчестве Ф.М. Достоевского. Отнесение его романов (в первую очередь – «Бесов» (1872)) к антинигилистическим остается научной проблемой. Многие современные исследователи (например, М.А. Шинков [23], А.С. Ефимов [4]) ставят творчество писателя в один ряд с произведениями Лескова, Крестовского, Клюшникова и проч., иные же говорят о диалоге Достоевского и антинигилистической романистики [24, 25] или вовсе не рассматривают его сочинения как антинигилистические (И.П. Смирнов обосновывает эту позицию, говоря о «Бесах» как об «отрицании отрицания отрицания» [5. С. 120–130]). Причины, по которым отнесение романов Достоевского к антинигилистическим не является общепринятым, как кажется, многообразны: здесь играет роль и закрепившаяся в советские годы репутация такой литературы как второсортной, реакционной и проч., т.е. такой, с которой нельзя смешивать творения классика, и представление о полифоничности произведений Достоевского, якобы не способных утверждать какую-либо идею из-за равенства голосов автора и его героев [26]. Настоящая работа не ставит целью разрешить этот вопрос, однако не подлежит сомнению, что в романе «Бесы» и ряде других произведений Достоевского появляются нигилисты, показанные как отрицательные герои, адепты разрушительной, вредной идеологии, что позволяет говорить хотя бы о внешнем антинигилистическом начале этих

текстов. Встроенность в традицию антинигилистической литературы проявляется в том числе и в том, как в романах Достоевского работает богородичный сюжет.

В отличие от рассмотренных выше произведений, на наличие в романах Достоевского образов, связанных с Богородицей, исследователи внимание обращали. В частности, богородичный сюжет усматривался в связи с двумя героинями, носящими имя Мария: Марьей Тимофеевной Лебядкиной³ и Марьей Шатовой из романа «Бесы». Однако именно взгляд на творчество Достоевского через призму предшествующих антинигилистических романов позволяет понять генеалогию этих образов и их ключевые особенности: как это всегда и происходит в истории развития литературы, вершинные произведения используют находки писателей второго и третьего ряда, доводя их до эстетического совершенства.

Достоевский движется в русле, заданном Аскаченским (роман которого, по утверждению Е.Н. Дрыжаковой, Достоевский «вряд ли читал», но мог запомнить его содержание по пересказам [24. С. 8], что, впрочем, еще нуждается в доказательстве) и Авенариусом. Так, история Марьи Лебядкиной являет собой уже традиционное изложение богородичной истории «в негативе»: Хромоножка – девица, обольщенная нигилистом Николаем Ставрогиным – лжекнязем в сознании самой героини, героем, которому, как Пустовцеву, присущи черты демонического [28. С. 428–430]. По словами Т.А. Касаткиной, обратившей внимание не только на имя, но и на этимологию отчества героини, «Ставрогин, занимая место мужа девицы Марьи Тимофеевны (Мария – (евр.) превознесенная, Тимофей – (греч.) почитающий Бога; таким образом, Марья Тимофеевна – превознесенная почитающими Бога, такое именование приличествует лишь Богородице (не говоря уже, конечно, о самом имени “Мария”, неизбежно связанном в нашем сознании с Богородицей)), вытесняет Бога из ее сердца, оставляя в нем тоску, пустоту, сны и миражи, кошмары небытия, захватывающие все большее пространство, пожирающие реальность и в конце концов уничтожающие героиню» [29. С. 22]. Мотив мертвого ребенка возникает в «мираже» Марьи Лебядкиной о том, как она, будучи девицей, родила от неизвестного («И всего больше я плачу о том, что родила я его, а мужа не знаю» [30. С. 117]), при этом то обстоятельство, что героиня не помнит пол младенца («то мальчик вспомнится, то девочка» [30. С. 117]), связывается Касаткиной с «идеей цельного Человека Христа» [29. С. 22]. Будучи юрдовикой, девушка соотносится со своей тезкой – швейцаркой Мари из «Идиота» (1868) (как указывает Е.А. Дубеник, они имеют общий прототип – Аграфену Тимофеевну Лаврентьеву, «дурочку» из деревни Достоевских [31. С. 14]), чья история, скорее, отсылает к сюжету о Марии Магдалине, однако важно, что именно в этом образе юродство сближается со святостью, чистотой. То, что этого оказывается, в сущности, лишена Лебядкина, предстает как вина лжекнязя, Христа «в негативе» (в отличие от истинного князя-Христа – Мышкина) Николая Ставрогина.

Марья Шатова – еще одна жертва нигилизма, соблазненная Ставрогиным и на сей раз в реальности родившая от него ребенка.

В этой сюжетной линии богородичный сюжет разрабатывается уже по модели Авенариуса: рождение ребенка становится искуплением, спасением и для самой матери, и для ее мужа Ивана Шатова⁴ (хотя, как и у Асоченского, герои погибают). Бывший нигилист и атеист, принимая чужого ребенка, достигает идеала христианского всепрощения, духовно воскресает накануне физической смерти. Его супруга, не желавшая ребенка и озлобившаяся на все человечество, также преображается (Шатов обращает внимание на «совсем какой-то новый» взгляд жены [30. С. 452]). Как формулирует Ю.С. Дубасова, «появление на свет ребенка и чудесное “перерождение” супругов Шатовых (особенно же страдавшей, потерявшей веру в людей Marie) указывает на произошедшее символическое “вознесение”, восхождение к чистоте прообраза, завершившееся преображением» [34. С. 121]. В отличие от Ластова и Наденьки, будущей счастливой жизнью Шатовы не вознаграждаются – однако для Достоевского оказывается важнее то изменение, которое произошло в душе героев, вечной, в отличие от тела. Интересно, что, по наблюдению М.С. Альтмана, все три Марии связаны со Швейцарией: Мышкин встречается там Мари, Ставрогин обольщает Марию Шатову и именно туда приглашает отправиться Марию Лебядкину [32. С. 184]. Здесь видится прямая интертекстуальная связь с диалогией Авенариуса, вплоть до формы имени Мари.

Мотив Богородицы возникает в романе и в аспекте живописи, что сближает «Бесов» уже со «Взбаламученным морем» Писемского. Как Бакланов и Проскриптский, Степан Трофимович Верховенский спорит с нигилистами о Сикстинской Мадонне⁵. В «Бесах» этот мотив занимает куда более важное место, чем то было у предшественника. Подпавшая под влияние молодежи Варвара Петровна заявляет, что «никто уж Мадонной не восхищается и не теряет на это времени, кроме закоренелых стариков» [30. С. 264]. Именно Мадонна, важнейшая картина для самого Достоевского [35. С. 300], становится той чертой, которую Степан Трофимович на пути сближения с нигилизмом не может перешагнуть: он объявляет творение Рафаэля «идеалом человечества» [35. С. 265] и берется прочесть о ней лекцию (по сути – бросить вызов «новым людям»), что заканчивается для него окончательным разладом с миром, бегством и смертью. Как формулирует Н.С. Рубцова, «Сикстинская Мадонна – та точка, с которой именно в жизни Степана Трофимовича начинается “обратный” отсчет, его “обратная” перспектива: преодоление земных страстей во имя причащения к великой тайне» [36. С. 122]. Преображение Верховенского прописано в «Бесах» значительно более подробно, а место Мадонны в нем обозначено более ясно, чем во «Взбаламученном море», однако роль картины в романах идентична: она предстает одновременно и эстетическим, и этическим, религиозным идеалом, вносящим в мир произведения ясные представления о добре и зле, о божественном и греховном и служащим толчком для духовного перерождения героев.

В черновиках романа есть намеки на другое описание духовного преображения, связанного с изображением Богородицы. Достоевский неоднократно вспоминает отрывок из «Былого и дум» А.И. Герцена (1857),

где передаются слова славянофила И.В. Киреевского о том, какое впечатление на него произвело изображение Девы Марии в часовне: «Я раз стоял в часовне, смотрел на чудотворную икону богоматери и думал о детской вере народа, молящегося ей; несколько женщин, больные, старики стояли на коленях и, крестясь, клали земные поклоны. С горячим упованием глядел я потом на святые черты, и мало-помалу тайна чудесной силы стала мне уясняться. Да, это не просто доска с изображением... Века целые поглощала она эти потоки страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных; она должна была наполниться силой, струящейся из нее, отражающей от нее на верующих. Она сделалась живым органом, местом встречи между творцом и людьми» [37. С. 160]. Для Шатова, выражающего в данном случае, видимо, авторскую позицию, такое описание говорит о неверии Киреевского (и вообще славянофилов) [38. С. 185]: возможно, как раз по той причине, что сила иконы связывается здесь просто с выражением народного духа и теряет собственно христианскую, религиозную основу, связь с самим богородичным сюжетом, столь важным для Достоевского.

Синтезируя практически все пути включения богородичного сюжета в антинигилистический дискурс в одном романе, Достоевский расширяет проблематику такой прозы, поднимая ее тематику до уровня общечеловеческого, сосредотачивается не столько на социальном явлении, сколько на внутренней жизни человека. Как формулирует В. Торстенсон, «*Demons transcends the constraints of the polemical novel and offers philosophical and religious critique of nihilism as an episode in the battle of good and evil in the human nature*»⁶ [28. С. 448]. Как ни парадоксально, ближе всего из нигилистических романов, содержащих богородичный сюжет, «Бесы» оказываются к «Асмодею нашего времени» Асоченского (конечно, с учетом разного уровня сложности психологических мотивировок, глубины раскрытия характеров и проч.): в обоих произведениях в центре внимания находится не общественный феномен, как-то влияющий на судьбы героев, а сам человек и его внутренняя жизнь. Однако смерть анти-Богородицы и ее младенца – на уровне не физическом, но духовном – уступает место воскрешению (вероятно, не без посредничества Авенариуса), богородичный сюжет соединяется с пасхальным.

Из всего многообразия мотивов, связанных с Богородицей, востребованным в антинигилистической литературе оказывается главный – рождение Младенца. Он получает и конкретно-социальную (важнейшие темы, обсуждавшиеся в 1860–1870-е гг.: институт брака, женская эмансипация и вообще роль женщины в обществе), и символическую трактовки. Писатели-антинигилисты строили свои идеи на основах христианства, стремились противопоставить безбожию – веру, пустоте (nihil) и бесплодности – положительное начало, которое для них как для православных было немыслимо вне Христа. С Богородицей (от Ее живописного изображения до сюжета рождения ребенка)

оказывается неразрывно связана идея искупления и возрождения, по сути, скорее, относящаяся к Воскресению Христову: евангельский сюжет не воспроизводится буквально, а спрессовывается, воспринимается как единое целое.

Рассмотрение только нескольких антинигилистических романов XIX в. через призму богородичного сюжета уже дает возможность увидеть вектор эволюции этого дискурса в литературе. На смену прямым и

«негативным» уподоблениям Деве Марии приходит их смешение, позволяющее не просто утвердить идеал и осудить порок, а показать грех и возрождение, очертить путь исцеления от нигилистической заразы. Роман «Бесы» при этом можно считать кульминацией, но не завершением традиции этого библейского уподобления, возможного отнюдь не только «простейшим» антропонимическим путем, что может стать предметом анализа уже в иных исследованиях.

Примечания

- ¹ Утверждения о безрезультатности деятельности нигилистов постепенно (особенно – после покушения Каракозова 1866 г.) уступают место пониманию опасности этого явления.
- ² В целом Писемский не высказывал однозначной позиции по поводу источника пожаров, в зависимости от практической необходимости в нескольких редакциях романа предлагая различные версии [20].
- ³ И.П. Смирнов обнаруживает еще один прообраз героини – жите Марии Египетской, что создает двойную мотивировку ее имени [27].
- ⁴ О казанских критиках и трудах Н.А. Добролюбова см.: [13].
- ⁵ Сопоставление с Богородицей подкрепляется рассказом о скитаниях Шатовой с ребенком, который, по мысли М.С. Альтмана, сконструирован как евангельский миф о бегстве Марии с Младенцем Иисусом в Египет [32. С. 184], а также упоминанием Богоявленной улицы: слово *Ελεῖν* («богоявление») первоначально использовалось применительно к самому факту явления Христа в мир, т.е. Его рождению [33].
- ⁶ Позиция утилитаристов напоминает, например, суждения В.А. Зайцева, который упрекает «эстетиков» в том, что те «300 лет восхищаются мадоннами Рафаэля» [35. С. 312].

Список источников

1. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
2. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ, 1996. 204 с.
3. Старыгина Н.Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 203–221.
4. Ефимов А.С. Готическое мироощущение русской антинигилистической прозы // Ефимов А.С. Нигилизм и готика: альманах. М.: ПринтЛЕТО, 2022. С. 11–291.
5. Смирнов И.П. Психодиахронология: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛЮ, 1994. 352 с.
6. Крестовский В.В. Кровавый пух: в 2 кн. Кн. 1: Панургово стадо. М.: RUGRAM, 2021. 454 с.
7. Писемский А.Ф. Взмаламученное море // Писемский А.Ф. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. IV. М.: Университетская тип., 1863. 289 с.
8. Пеньковский А.Б. Нина: культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. 519 с.
9. Аскоченский В.И. Панорама, или Очерки из современной жизни. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1875. 730 с.
10. Куранда Е.Л. Повествовательная структура романа Н.С. Лескова «Некуда» в системе русского антинигилистического романа 1860–1870-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Псков: Псковский орден «Знак почета» государственный педагогический институт имени С.М. Кирова, 2001. 243 с.
11. Ефимов А.С. Краткая история русской антинигилистической прозы // Ефимов А.С. Нигилизм и готика. М.: ПринтЛЕТО, 2022. С. 292–332.
12. Антонович М.А. Асмодей нашего времени («Отцы и дети»). Роман Тургенева. «Русский вестник», 1862 г., № 2, февраль) // Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. С. 141–202.
13. Лукаш К.И. «Отцы и дети» И.С. Тургенева и «Асмодей нашего времени» В. И. Аскоченского // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 73–76.
14. Аскоченский В.И. Асмодей нашего времени // Аскоченский В.И. За Русь свякую! М.: Инст-т русской цивилизации, 2014. С. 144–351.
15. Петров А.А. Аскоченский и роман-комедия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. [В печати].
16. Аскоченский В.И. Экспромт // Замай В. [Аскоченский В.И.] Басни и отголоски. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. С. 221.
17. Аскоченский В.И. Марфа-Посадница, или Падение Новгорода. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1870. 64 с.
18. Склейнис Г.А. Личность автора и формы авторского присутствия в антинигилистической романистике // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2010. № 14. С. 35–37.
19. Лотман Л.М. Писемский – романист // История русского романа: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 121–148.
20. Петровских М.А., Зубков К.Ю. Студенты, купцы или поляки? Изображение майских пожаров 1862 года и проблема достоверности в романе А. Ф. Писемского «Взмаламученное море» // Русская литература. 2020. № 2. С. 74–84.
21. Авенариус В.П. Современная идиллия // Авенариус В.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996. С. 363–540.
22. Авенариус В.П. Поветрие // Авенариус В.П. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996. С. 541–686.
23. Шинков М.А. «Бесы» Ф. М. Достоевского и русский антинигилистический роман 1860–1870 годов: дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орловский гос. ун-т, 1998. 188 с.
24. Дрыжакова Е.Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 17. СПб.: Наука, 2005. С. 3–29.
25. Склейнис Г.А. «Великое пятикнижие» Ф.М. Достоевского в жанровом контексте антинигилистического романа. М.: [б. н.], 2006. 110 с.
26. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
27. Смирнов И.П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 212–220.
28. Thorstenson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s-1870s. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures). Madison: University of Wisconsin–Madison, 2013. 510 p.
29. Касаткина Т.А. Литургическая цитата в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. М., 2007. № 22. С. 13–26.
30. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Бесы: роман: в 3 ч. Л.: Наука, 1974. 519 с.
31. Дубеник Е.А. Литературные ассоциации в образе Марьи Тимофеевны Лебядкиной // Русская речь. 2010. № 5. С. 12–17.
32. Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 280 с.
33. Богоявление // Католическая энциклопедия: в 5 т. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. С. 649–650.
34. Дубасова Ю.С. Тип «рыцаря бедного» в творчестве Ф. М. Достоевского: контекст, подтекст, интертекст: ВКР. СПб.: СПбГУ, 2023. 206 с.
35. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 12: Бесы: рукописные редакции. Наброски 1870–1872. Л.: Наука, 1975. 376 с.
36. Рубцова Н.С. Живописный сюжет в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья первая // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 5. С. 114–123.
37. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 9: Былое и думы. Ч. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 361 с.
38. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Бесы: глава «У Тихона», рукописные редакции. Л.: Наука, 1974. 415 с.

References

1. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian Novel in the Situation of Philosophical and Religious Polemics of the 1860s – 1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
2. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Era of Realism]. Moscow: NLO.
3. Starygina, N.N. (1998) Demonicheskie znaki v antinigilisticheskom romane kak vyrazhenie avtorskoy tsennostno-mirovozzrencheskoy pozitsii [Demonic signs in the anti-nihilistic novel as an expression of the author's worldview and values]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. pp. 203–221.
4. Efimov, A.S. (2022) *Nigilizm i gotika: al'manakh* [Nihilism and Gothic: Almanac]. Moscow: PrintLETO. pp. 11–291.
5. Smirnov, I.P. (1994) *Psikhodiakhronologika: psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodiachronology: Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day]. Moscow: NLO.
6. Krestovskiy, V.V. (2021) *Krovavyy puf* [Bloody Hoax]. Book 1. Moscow: RUGRAM.
7. Pisemskiy, A.F. (1863) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Universitetskaya tip.
8. Pen'kovskiy, A.B. (1999) *Nina: kul'turnyy mif zolotogo veka russkoy literatury v lingvisticheskom osveshchenii* [Nina: The Cultural Myth of the Golden Age of Russian Literature through Linguistics]. Moscow: Indrik.
9. Askochenskiy, V.I. (1875) *Panorama, ili Ocherki iz sovremennoy zhizni* [Panorama, or Sketches from modern life]. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va.
10. Kuranda, E.L. (2001) *Povestvovatel'naya struktura romana N. S. Leskova «Nekuda» v sisteme russkogo antinigilisticheskogo romana 1860–1870-kh godov* [The narrative structure of Nikolai Leskov's novel No Way Out in the system of the Russian anti-nihilistic novel 1860–1870s]. Philology Cand. Diss. Pskov.
11. Efimov, A.S. (2022) *Nigilizm i gotika: al'manakh* [Nihilism and Gothic: Almanac]. Moscow: PrintLETO. pp. 292–332.
12. Antonovich, M.A. (1961) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. pp. 141–202.
13. Lukash, K.I. (2015) "Ottsy i deti" I.S. Turgeneva i «Asmodey nashego vremeni» V.I. Askochenskogo [Fathers and Sons by Ivan Turgenev and Asmodeus of Our Time by Viktor Askochensky]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova*. 4. pp. 73–76.
14. Askochenskiy, V.I. (2014) *Za Rus' svyatyuyu!* [For Holy Rus'!]. Moscow: Inst-t russkoy tsivilizatsii. pp. 144–351.
15. Petrov, A.A. (n.d.) Askochenskiy i roman-komediya [Askochensky and the comedy novel]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. [In print].
16. Zamay, V. [Askochenskiy, V.I.]. (1869) *Basni i otgoloski* [Fables and Echoes]. Saint Petersburg: Tip. Akad. nauk. P. 221.
17. Askochenskiy, V.I. (1870) *Marfa-Posadnitsa, ili Padenie Novgoroda* [Martha the Mayoress, or the Fall of Novgorod]. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va.
18. Skleynis, G.A. (2010) Lichnost' avtora i formy avtorskogo prisutstviya v antinigilisticheskoy romanistike [Personality of the author and forms of authorial presence in anti-nihilistic romance]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 35–37.
19. Lotman, L.M. (1964) Pisemskiy – romanist [Pisemsky – a novelist]. In: *Istoriya russkogo romana* [History of the Russian Novel]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 121–148.
20. Petrovskikh, M.A. & Zubkov, K.Yu. (2020) Studenty, kuptsy ili polyaki? Izobrazhenie mayskikh pozharov 1862 goda i problema dostovernosti v romane A. F. Pisemskogo "Vzbalamuchennoe more" [Students, Merchants, or Poles? The Depiction of the May Fires of 1862 and the Problem of Authenticity in A.F. Pisemsky's Novel The Turbulent Sea]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 74–84.
21. Avenarius, V.P. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: TERRA. pp. 363–540.
22. Avenarius, V.P. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: TERRA. pp. 541–686.
23. Shinkov, M.A. (1998) "Besy" F.M. Dostoevskogo i russkiy antinigilisticheskoy roman 1860–1870 godov [Fyodor Dostoevsky's Demons and the Russian anti-nihilistic novel of the 1860s – 1870s]. Philology Cand. Diss. Orel.
24. Dryzhakova, E.N. (2005) Dostoevskiy i nigilisticheskoy roman 1860-kh godov [Dostoevsky and the nihilistic novel of the 1860s]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 17. Saint Petersburg: Nauka. pp. 3–29.
25. Skleynis, G.A. (2006) "Velikoe pyatknizhnie" F.M. Dostoevskogo v zhanrovom kontekste antinigilisticheskogo romana [The Great Pentateuch by Fyodor Dostoevsky in the genre context of the anti-nihilistic novel]. Moscow: [s.n.].
26. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoy kultury. pp. 5–300.
27. Smirnov, I.P. (1979) Drevnerusskie istochniki "Besov" Dostoevskogo [Old Russian sources of Dostoevsky's Demons]. In: *Russkaya i gruzinskaya srednevekovye literatury* [Russian and Georgian Medieval Literatures]. Leningrad: Nauka. pp. 212–220.
28. Thorstenson, V. (2013) *The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s*. PhD Dissertation. Madison.
29. Kasatkina, T.A. (2007) Liturgicheskaya tsitata v "Brat'yakh Karamazovykh" [Liturgical quotation in The Brothers Karamazov]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 22. pp. 13–26.
30. Dostoevskiy, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
31. Dubenik, E.A. (2010) Literaturnye assotsiatsii v obraze Mar'i Timofeevny Lebyadkinoy [Literary associations in the image of Marya Timofeevna Lebyadkina]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 12–17.
32. Al'tman, M.S. (1975) *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By the milestones of names]. Saratov: Saratov State University.
33. Cioroch, G. (ed.) (2002) *Katolicheskaya entsiklopediya* [Catholic Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Frantsiskantsev. pp. 649–650.
34. Dubasova, Yu.S. (2023) Tip "rytsarya bednogo" v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: kontekst, podtekst, intertekst [The type of the "poor knight" in the works of Fyodor Dostoevsky: context, subtext, intertext]. Bachelor's Thesis. Saint Petersburg.
35. Dostoevskiy, F.M. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.
36. Rubtsova, N.S. (2015) Zhivopisnyy syuzhet v romane F.M. Dostoevskogo "Besy". Stat'ya pervaya [Pictorial plot in the novel Demons by Fyodor Dostoevsky. Article one]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 5. pp. 114–123.
37. Gertsen, A.I. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Part 4. Moscow: USSR AS.
38. Dostoevskiy, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Leningrad: Nauka.

Информация об авторе:

Петров А.А. – аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sinavitrivor@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Petrov, postgraduate student, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sinavitrivor@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2024;
одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 20.11.2024;
approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 28.02.2025.